

МОСКВА. ЛИЦА УЛИЦ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
ЛЕГЕНД

ОЛЕГ ФОЧКИН

Москва. Лица улиц

Олег Фочкин

**Москва. Лица улиц.
Продолжение легенд**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 913(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Фочкин О. В.

Москва. Лица улиц. Продолжение легенд / О. В. Фочкин —
«Издательство АСТ», 2016 — (Москва. Лица улиц)

ISBN 978-5-17-096677-6

Москва меняется день за днем. Не всегда так, как надо или как мы себе представляем. И то, каким город будет дальше, зависит от каждого из нас, но без знания истории мы не сможем идти дальше. Любопытными и значимыми историческими фрагментами жизни Москвы делится с читателем в своей книге журналист и краевед Олег Фочкин. На ее страницах столица предстает в совершенно новом ракурсе, овеянная легендами и облаченная в ускользающую красоту архитектуры.

УДК 913(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-17-096677-6

© Фочкин О. В., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Медный бунт и сокровища Кадшей	7
На Мытной отрыли ход в семнадцатый век	10
Сюрпризы Зарядья	16
Дрезден на берегу Арагви	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Фочкин
Москва. Лица улиц. Продолжение легенд

© О. В. Фочкин, текст, иллюстрации

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

В 2015 году вышла моя книга «Москва. Городские легенды». Честно говоря, я не ожидал, что ее заметит большое количество читателей и покупателей. Уж очень много в последнее время выходит книг о Москве. И надо сказать, что среди них немало интересных и достойных, да и имена авторов зачастую говорят сами за себя.

Конечно, без критики не обошлось. Это обычное и нормальное явление. Я и сам потом заметил огрехи. А что-то мои читатели сообщили мне дополнительно, помимо тех сведений, которые привел я. Но у меня и не было задачи подробно представлять историю каждого дома, каждого факта. Я пытался рассказать о домах и людях, которые в них жили. И не обо всех подряд, а о тех, которые как-то связаны с моей жизнью, с моим восприятием Москвы. Как оказалось, судя по отзывам читателей и дополнительным тиражам первой книги, получилось. Но я только начал свою историю Москвы. И очень рад, что в каких-то аспектах и точках она пересекается с историей жизни моих читателей.

Эта книга – продолжение первой, и в то же время она совсем другая. В ней есть несколько легенд, без которых я не представляю Москву. Но тем не менее я еще не приступил к очень важным для меня страницам истории Замоскворечья, откуда родом все мои предки. Это очень личное и сложное, о нем я расскажу в следующий раз. Зато здесь есть село Всехсвятское и его окрестности, где прошло мое детство, здесь есть история улиц и домов, которые открывали для меня свои потаенные уголки. И еще в книге неожиданно для меня получился целый блок, связанный с современным исследованием Москвы.

На одной из встреч с читателями я говорил о том, что рано или поздно в истории любого города наступает момент, когда он сам начинает делиться своими тайнами с археологами и просто жителями, любящими его. Такой период наступил и для Москвы. В 2015 году было отреставрировано более 120 зданий. И каждое из них приготовило своим исследователям сюрпризы и загадки, даже если реставрация в них уже была ранее и казалось, что все об этой постройке известно. За год было найдено три очень интересных клада – один из них второй по величине, но не значимости (это отдельный разговор), за всю историю исследований в городе.

Москва делится своими тайнами. И если мы немного опоздаем, то можем многое упустить. Навсегда. Ведь не все удастся спасти. К сожалению, система защиты исторических зданий несовершенна, а число защитников ограничено. Не говоря уже о том, что те, кто уничтожает историю города (ради наживы или не понимая ее), изощрены и коварны. Но город живет, а число его защитников множится. Я надеюсь, что мои книги помогут вам узнать любимый город немного лучше, понять тех, кто каждый день встает на защиту его исторических памятников или просто рассказывает о них. Давайте попробуем научиться удивляться тому, насколько разнообразна и необычна наша столица.

Кроме того, я постарался показать несколько точек, с которых Москва предстает совершенно в новом ракурсе. Но лучше побывать в этих местах самим: фотография не может передать всей красоты.

Каждый день я вновь и вновь удивляюсь виду из окна, который открывается передо мной. И если вы считаете, что он не так красив, как вам бы хотелось, представьте, что на этом месте было раньше или как можно изменить увиденное сегодня.

Наш город меняется день за днем. Не всегда так, как надо или как мы себе представляем. И то, каким он будет дальше, зависит и от каждого из нас, но без знания истории мы не сможем идти дальше. Любопытными и значимыми историческими фрагментами жизни нашего города я и попытался поделиться сегодня. Приятного чтения.

Медный бунт и сокровища Кадашей

По только что переделанной в пешеходную улицу Большой Ордынке шли любопытные пешеходы. Они отмечали все плюсы и минусы расширенного тротуара и пока еще не превратившейся зимой в каток плитки. Но они не знали, что буквально в двух шагах от этого места находится машина времени. Чтобы ее увидеть, нужно было быть немного любопытнее и уметь представлять себе далекое прошлое во всех деталях...

Сейчас в Кадашах, совсем рядом с храмом Воскресения Христова, идет полномасштабная стройка. Вы не увидите ее размах, да и вообще строительство, если будете проходить по Ордынке, никуда не сворачивая. Но достаточно заглянуть в переулок, а там пройти строгую охрану у металлических ворот, чтобы попасть в совершенно другой мир, который еще хранит былое.

Перед тем как начать строительство жилого комплекса, который, кстати, после долгих споров и перепалок выдержан в стиле XIX века и не превышает высотой историческую застройку, археологам дали возможность провести раскопки в тех местах, где издревле селились горожане. При одной только мысли о возможности таких исследований у каждого археолога просто руки чешутся и течет слюна.

«Мэр Москвы высказался против строительства 6–8-этажных зданий на территории археологического наследия Кадашевская слобода. В связи с этим концепция была полностью пересмотрена в сторону регенерации исторической застройки, и подрядчик начал археологические раскопки, в результате которых и был найден уникальный клад времен Медного бунта в количестве 1087 монет, что эквивалентно 11 рублям», – рассказал руководитель Департамента культурного наследия города Москвы Алексей Емельянов.

Я попал на раскоп (причем довольно большой), когда главные находки уже были сделаны. Но одна только мысль, что все это было найдено здесь, в центре столицы, уже заставляла дышать чаще и смотреть во все глаза на то, что перед ними открывается.

А открывался целый мир, где все слои рассказывали, да что там рассказывали, просто кричали: «Посмотри, сопоставь, узнай, найди, запомни!»

На раскопках я оказался в числе других журналистов после того, как на территории бывшей Кадашевской слободы был найден большой и очень интересный клад из монет времен Медного бунта XVII века. Сейчас он уже передан в музей Москвы, а осенью 2015 года был выставлен на всеобщее обозрение на большой международной специализированной выставке по сохранению, реставрации, использованию и популяризации культурного наследия «Denkmal 2015» на ВДНХ. Но там он выглядел не так эффектно и волнующе, как на самом раскопе. Перед этим коллекция была представлена в неофициальном музее Кадашевской слободы.

Клад стал главной сенсацией раскопа. Это находка времен правления царя Алексея Михайловича. Большая часть монет – медные копейки ручной чеканки. Они хранились на глубине полутора метров в погребке дома зажиточного москвича, переставшем существовать после пожара, случившегося в третьей четверти XVII века. Не исключено, что хозяином участка был местный дьякон, поскольку часть раскопок проходила на территории его бывшего дома. Имя хозяина не сохранилось. Однако известно, что в те времена дьякон получал в среднем копейку в день и мог на эти деньги купить курицу, да и на семью оставалось...

Как сказал во время нашего посещения раскопок главный археолог столицы Леонид Кондрашев: «Главное, чтобы было сохранено единство коллекции». Тогда же гендиректор «Столичного археологического бюро» Константин Воронин, просто сиявший от счастья и восторга, что его команде посчастливилось найти такой удивительный артефакт, делился с окружающими подробностями находки. Но параллельно не забывал добавлять, что монеты представ-

ляют прежде всего научный интерес, их стоимость на нумизматическом рынке невелика. В среднем по три доллара за монету при хорошей сохранности.

Это второй подобный клад медных денег, обнаруженный в столице. Первый был найден в Романовом дворе, но там, согласно историческим справкам, был Монетный двор. Здесь же была совсем иная история. Русско-польская война, повышение налогов, обесценивание медных денег приводит 4 августа 1662 года к восстанию: медные деньги было велено обменивать на серебряные в обязательном порядке и по очень невыгодному курсу. Поэтому житель Кадашей, по тем временам человек среднего достатка, завернул сбережения в кожу или ткань и спрятал в своем доме. Однако позже тут был пожар, и хозяин свой клад, по-видимому, не нашел. Надо понимать, что 1087 монет по тем временам – это средний годовой доход зажиточного москвича середины XVII века.

Кроме клада на территории раскопа, площадь которого, по словам Константина Воронина, вначале составляла 50 квадратных метров, а потом выросла до 500, были вскрыты остатки производственного комплекса, связанного с обработкой цветного металла, что указывает на существование вблизи этой территории Монетного двора.

Найдены также фрагменты печных изразцов, в частности довольно редкий образец XVII века с изображением единорога. Он даже подписан наверху для особо сомневающих: «Единорог». Есть фрагменты рельефно-полихромных и муравленых изразцов с изображением животных (льва и райских птиц) и батальных сцен, керамика, глиняные игрушки-свистульки, белокаменные жернова с зерном, которое складировалось тут же, и фрагменты меднолитейных тиглей.

Большой интерес представляет и медная икона Никиты Бесогона XVI века, очень популярная в Москве того времени. Как рассказал Константин Воронин, это нательная икона в хорошей сохранности. Образ святого Никиты, который побил беса-искусителя кандалами, находясь в заточении в темнице, популярен в русской традиции с XV века. Этот святой, как считалось, помогает людям в борьбе с бытовыми проблемами и искушениями. На раскопках средневековой Москвы обычно находят до 10–20 предметов благочестия – крестиков и подобных иконок.

После окончания раскопок на этом месте начали возводить таун-хаусы, спроектированные в стилистике существующей ныне застройки Кадашевской слободы. По словам застройщика, на строительство уйдет примерно два года. Автор проекта застройки Кадашей, архитектор, профессор Международной академии архитектуры Илья Уткин, заверил, что «участок будет застроен в том стиле, который был здесь в начале XX века».

Проект не меняет абрис улицы Большая Ордынка и района в целом, но работа над ним началась уже после окончания и консервации участка раскопок. Так что теперь раскоп можно увидеть только на фотографиях.

Как сообщил руководитель Департамента культурного наследия Алексей Емельянов, археологами было вскрыто 400 квадратных метров, а непосредственно исследования велись на двух участках общей площадью 300 квадратных метров.

Кстати, клад показали журналистам в канун Дня археолога 13 августа 2015 года. Символично, тем более что вскоре последовало продолжение. Но об этом в другой главе.

А кадашевскому кладу предшествовала еще одна находка на территории ВДНХ. Ее обнаружили в том же месяце, когда рыли траншею под коммуникации недалеко от павильона «Кролиководство».

«Уже вечером, когда было темно, бульдозер зацепил пакет, из которого высыпались монеты, – рассказывал позже строитель Гарни Боротов. – Мы заметили их, но собрали лишь утром». Клад строители передали в службу безопасности ОАО «ВДНХ». А потом, как положено, прибыла полиция, произвели опись. Эксперты насчитали 329 серебряных монет. Это монеты выпуска 1922–1924 годов на сумму 79,9 рубля. Они не представляют исторической

ценности, хотя сам факт находки интересен. По предварительным оценкам современная стоимость находки не более 10 тысяч рублей.

Известно, что на рубеже 20–30-х годов прошлого века на территории будущей ВДНХ располагался трест зеленого строительства, а часть земель принадлежала сельхозартели и Останкинскому парку. Здесь же находились и жилые дома. Кто спрятал деньги – неизвестно.

Кстати

В 1996 году при раскопках в Гостином Дворе в подклети сгоревшего дома был найден крупнейший в Москве клад, хранившийся в двух кувшинах. В них находилось 16 серебряных сосудов, два медных блюда, 335 западноевропейских талеров (из Дании, Швеции, Нидерландов, Польши и других западноевропейских стран) и 95 429 русских копеек. Наткнулись на него строители, когда разожгли костер в яме раскопа, вырытой археологами.

На Мытной отрыли ход в семнадцатый век

Настоящие археологические открытия бывают не так часто, как нам бы хотелось. Тем ценнее та находка, которую в 2015 году представили в Департаменте культурного наследия Москвы. Мы все прекрасно знаем о существовании Введенского (Немецкого) кладбища, на котором со времен Петра Первого хоронили иноземцев, поселившихся в России. Но ведь иностранцы жили на территории страны, в том числе и в Москве, задолго до Петровской эпохи. И селились они, как правило, в отведенных им местах, дабы своими привычками не смущать умы наших сограждан. Вот в одном из таких известных издавна мест компактного поселения иноземцев и были совершенно случайно обнаружены будущие экспонаты музея Москвы. Найденные в районе улицы Мытной фрагменты белокаменных надгробных плит XVII века будут в скором времени выставлены в его экспозиции. В этом на представлении находки уверил всех собравшихся заместитель руководителя Департамента культурного наследия, главный археолог Москвы Леонид Кондрашев. «Археологические находки XVII века сделаны на территории строительства многофункционального жилого комплекса и реконструкции стадиона “Труд” (бывший “Красный пролетарий”) на Мытной улице в Москве, – рассказал Леонид Кондрашев. – Это фрагменты двух надгробных плит, датируемых 1630-ми годами с традиционной надписью на немецком языке».

По словам заведующего отделом московской Руси института археологии РАН Леонида Беляева, такие плиты с иностранными надписями по всей России можно пересчитать по пальцам. Поэтому находка и представляет такой большой интерес.

В данном случае речь идет о двух плитах из одного семейного захоронения Келлерманов. Плита, найденная первой, сильно повреждена. Она фактически вся состоит из отдельных фрагментов, на которых много сколов. И скорее всего, эти сколы произошли во время недавних строительных работ. Тем не менее, на ней читается не только имя, но и довольно обширное лютеранское посвящение умершему, которое уже знакомо нашим ученым-историкам по аналогичным надгробиям. Сейчас идет полная расшифровка текста. Но полностью ее можно будет завершить только после склейки плиты.

На второй прочитывается только имя, поскольку это примерно половина плиты. Вторая ее часть, увы, не найдена. Но молитвы на ней, по словам Леонида Беляева, точно нет.

Как говорит Леонид Кондрашев, эта находка важна еще и потому, что дает нам возможность соприкоснуться с «живыми» людьми, иноземцами, поселившимися и умершими в Москве четыре века назад. Как правило, известные документы того времени хранят данные только о главах семейств и ни слова об их родственниках. А с помощью таких надгробных плит можно погрузиться в историю глубже. Для настоящего историка-исследователя это открытие целого неизвестного пласта. Леонид Кондрашев даже предположил, что настоящий исследователь на материале этих плит и докторскую диссертацию защитить сможет.

Естественно, не обошлось и без «показательных выступлений», когда плиты впервые показывали прессе в Мосгорнаследии. Чтобы журналисты лучше понимали, что и как с находками будет дальше, четверо студентов московского колледжа № 26, готовящего реставраторов, и их мастер производственного обучения наглядно показали журналистам процесс очистки элементов надгробия. Камеры то и дело прыгали с рук студентов, чистящих белый камень, на целый набор приспособлений для этого процесса. Сами студенты были немногословны и, похоже, очень смущались, поглядывая на своего мастера.

«Как будет проходить предварительная очистка плиты, после которой состоится ее склейка?» – спросил кто-то из журналистов. «Ну, вы же сами все видите. Сначала нам надо очистить и обработать каждый фрагмент. На это может уйти дня три. А когда все отчистим, будем все склеивать специальным итальянским клеем. Итальянцы в этом деле особенно пре-

успели», – ответил мастер производственного обучения колледжа Евгений Гоганов, больше похожий не на реставратора в привычном нашем представлении, а на спецназовца. И фигурой, и стрижкой.

Тут же он добавил, вспомнив о том, для чего все собрались, и о педагогической составляющей своего труда: «Это еще и прекрасная возможность для самих студентов соприкоснуться с историей на стадии обучения»...

Работы по очистке были продолжены и после встречи с журналистами. Потом плиту склеивали уже в колледже под присмотром ученых и реставраторов.

Стоит заметить, что любая стройка в центре города предваряется или сопровождается археологическими исследованиями. По крайней мере, так положено по закону. До недавнего времени этому правилу следовали и на стройке на территории стадиона «Труд». Более того, основные находки там были сделаны в 2010 году. И с тех пор тишина.

Две надгробные плиты обнаружили 22 апреля 2015 года во время прогулки местные жители. К счастью для всех нас, это оказались даже не просто прохожие, а музейные работники. Если бы не они, уникальные находки ушли бы в отвал. А так фрагмент плиты на ночь перетащили в районную библиотеку и сообщили в Департамент культурного наследия. Уже утром специалисты-археологи обнаружили на месте находки и второй фрагмент. Теперь специалистам Департамента предстоит выяснить, было ли это случайностью или при прокладке подземных коммуникаций специально замалчивались находки. А процесс этот долгий и сложный. И вряд ли мы узнаем, как было на самом деле.

Впрочем, Леонид Кондрашев печально констатировал, что в этом месте не найдено еще ни одной могилы, только плиты. Все было расхищено более века назад, и вести здесь целенаправленные раскопки бессмысленно. Есть точечные вкрапления, но даже рядом с плитами семейства Келлерманов вряд ли что-то еще найдется. Остается ждать, когда земля сама «отдаст» очередную находку.

Земляные работы по объекту «Дороги и инженерные коммуникации для объекта “Многофункциональный жилой комплекс и реконструкция стадиона «Труд»», где и были найдены плиты, приостановлены. Материалы по указанным фактам переданы в Инспекцию по контролю за соблюдением законодательства в области государственной охраны объектов культурного наследия Департамента культурного наследия Москвы. Специалистам предстоит проанализировать, как соблюдались правила во время работ, и, возможно, наказать хозяев стройки. Но для них этот штраф, как дробинка для слона. И это касается практически любого нарушения в застройке и изучении, а точнее, не изучении города. Да и не только Москвы.

Кладбище Наливки

Как пишет в известном всем историкам труде «О государстве Русском» (1591) английский поэт и дипломат Джильс Флетчер, «Василий III позволил немецким наемникам, жившим в слободе в Замоскворечье, открыть у себя первый в России кабак с продажей вина». Свой труд Флетчер написал на основе личных впечатлений от путешествия в Россию во время торговых переговоров, используя при этом часть сочинений уже живших в России англичан и более ранних записок Герберштейна. «Со времени осады города татарами и произведенного ими пожара (что случилось в 1571 году) земля во многих местах остается пустой, тогда как прежде она была заселена и застроена, в особенности же на южной стороне города, где незадолго до того царь Василий построил дома для солдат своих, позволив им пить мед и пиво в постные и заветные дни, когда другие русские должны пить одну воду, и по этой причине называл новый город Налейка, то есть наливайка. Когда в 1550 году по соседству была основана стрелецкая слобода, новые государевы слуги с радостью воспользовались питейным заведением наемни-

ков. Входя в кабак, они говорили: “Налей-ка!” Иностранцы, слабо понимавшие русскую речь, называли все Замоскворечье “Налейки”». Позже это название превратилось в «Наливки».

Об этом же писал и флорентийский купец Тедальди, неоднократно бывавший в России в 1551–1565 годах. Записанная с его слов книга называлась «Известия Джиованни Тедальди о России времен Ивана Грозного».

Отсюда, по одной из версий, и пошло название слободы, а потом и иноземного кладбища. Кирхи на территории кладбища и слободы, по сохранившимся документам, не было.

Как упоминают в своих записках и Флетчер, и Тедальди, как минимум с XVI века рядом с иноземной слободой находилось кладбище, где хоронили неправославных христиан и других иноземцев. Оно занимало площадь от нынешней Мытной улицы до Шаболовки. Носило первое из известных нам московских иноземных кладбищ то же название, что и поселение, – Наливки.

Однако не все ученые согласны с таким толкованием происхождения Наливок.

С точки зрения одних, Наливки (Naliffky) известны по документам с 1560-х годов как место расположения «немецкого» кладбища, где хоронили иноземцев западноевропейского происхождения. На кладбище в Наливках найдено надгробие Каспара фон Эльферфельдта 1562 года. Каспар фон Эльферфельдт был захоронен в заранее приготовленной им гробнице за городом, на кладбище, где хоронили неправославных христиан. Это позволило идентифицировать некрополь между улицами Мытной и Шаболовкой с древнейшим кладбищем иноземцев, которое располагалось близ слободы Наливки. Иноземная же слобода располагалась к северо-западу от Наливок.

Другие считают, что рощи («рощения») в летописях и иных документах регулярно указываются наряду со священными источниками как места языческих молений и празднеств. С язычеством название Наливки позволяет связать текст одного из постановлений Стоглавого Собора 1551 года: «В первый понедельник после Петрова поста в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти. Чтобы в рощи не ходили и в наливах бесовских потех не творили, понеже все то прелесть бесовская, а православным христианам не подобает тако творити».

Третьи уверены, что в этом месте хоронили плененных во время ливонской войны и глав ордена тевтонских рыцарей, которых привезли в столицу и отрубили им головы. Здесь же похоронены и сотни других иноземцев. Возможно, на этом кладбище находились могилы известных итальянских архитекторов и художников. Например, построившего Успенский собор Кремля Аристотеля Фиораванти.

Кладбище закрыли в XVII веке. К тому времени и иноземцы по большей части переселились в Кукуй, он же Немецкая слобода. Старое кладбище потихоньку забылось, ну а местные жители растаскивали надгробные белокаменные плиты для своих нужд. О своем существовании кладбище вновь напомнило в веке девятнадцатом.

Первый раз каменную плиту с иноземной надписью нашли в 1823 году. А затем находки пошли одна за другой. И не где-нибудь, а на территории Данилова монастыря. Изучение этого некрополя началось, когда был опубликован доклад о происходящем с Конной площади камне с могилы Берндта фон Белля, ком-тура Голдинга.

Объясняется все просто. Строители использовали старые плиты при строительстве башен монастыря. Когда в 1869–1870 годах случилась разборка оснований башен ограды и подвалов церкви Покрова Богородицы, надгробия с надписями на английском, армянском, латинском, итальянском и других языках нашел на территории монастыря архимандрит Амфилохий. Как сегодня считают археологи и историки (да и ученые XIX века сходились на том же мнении), плиты с надписями попали в монастырь в последней четверти XVII века в период сооружения каменной ограды.

В 1989 году при земляных работах в районе Конной площади, между Мытной улицей и Шаболовкой, были обнаружены фрагменты перенесенных с изначального места надгробий с надписями на немецком языке. Всего с тех пор найдено 25 таких плит.

Семья Келлерманов

Что касается семьи Келлерманов (в русских текстах также «Келдерманы»), плиты с именами которых найдены в апреле 2015 года, то она отлично известна русским источникам. Генрих Келлерман, как полагают, попал в Москву во времена войны в Ливонии в период 1558–1583 годов. Генрих (в русских текстах Андрей) Келлерман числился среди «московских торговых иноземцев» и выполнял функции переводчика, а отчасти и дипломата – он был в Англии в составе посольств в 1613, 1614 и 1617 годах, занимался продажей пушнины в Риге для пополнения средств казны.

Главой семьи затем был голландский купец, переводчик и дипломат Томас Келлерман. В 1668 году русский царь даже отправил его послом в Венгрию главным образом по вопросу о совместной борьбе с турками.

По предварительным данным, одна из найденных плит находилась на могиле его сына Андрея, проучившегося в европейских университетах 17 лет и получившего степень доктора. Он врачевал в Москве, предлагал сделать новый перевод Евангелия на русский язык.

В журнале «Русская старина» за 1895 год опубликована статья Ш. Арсеньева «Очерки из быта докторов-иноземцев в древней Москве». В ней говорится:

«“Торговый иноземец”, “гость”, живший, по всем видимостям, в Москве десятки лет, Томас Келлерман (или, как иногда его именовали, Келдерман), торговавший, должно быть, не безприбыльно, отправил в 1661 году своего сына Андрея, родившегося в Москве, в иностранные земли для ученья. Отправил он его по указу царя Алексия Михайловича.

Уехав отроком, он воротился зрелым мужчиною, достигнув высшего ученого звания доктора медицины и философии через 17 лет. 1678 года, декабря 2-го, из Архангельска в Новгород известили о приезде в Московское государство нового доктора, а 22-го того же месяца об этом отписали из Новгорода в Аптекарский приказ в Москву. Тотчас велено было переслать нововыезжаго доктора в Москву».

Андрей Келлерман приехал на праздники в Москву к отцу и семье после долгой разлуки. Приезд его был очень кстати и для Аптекарского приказа: в это же самое время царскую службу навсегда оставил опытный и любимый доктор Яган Розенбург, просившийся на покой за старостью.

И далее цитирую статью Арсеньева: «Когда прошли праздники Рождества и немецкаго нового года (русский год начинался с 1-го сентября), купец Томас Келлерман написал царю челобитную о принятии сына на службу:

“Посылал я <начало выпущено> сынишка своего Андрюшку за море для дохтурской науки и для наученья разных язык учитца. И был сынишко мой в той науке за морем в разных государствах и школах семнадцать лет; и в итальянской, государь, земле, в городе Падуе (Падуе), в высокой школе, от дохтурских учителей философскому и врачебной науки разными вопросы доспрашиван, и ево в той дохтурской науке достойно признали и дохтуром учинили, и свидетелственной лист за своими руками и печатми дали. И для той, государь, дохтурской науки сынишка мой, те семнадцать лет учася, издержал многия деньги – несколько тысячей рублей. И те деньги я, х. т., за него займываючи, платил, – проча ево вперед годнаго быть в вашу, в-го г-ря, службу. А он сынишко мой, твой, в-го г-ря, холоп природной и прочнее иных выезжих дохтуров, которые выезжают на малое время и вашим Государским жалованьем обогатятся (намек на отъезд Ягана Розенбурга, скопившаго в России деньги) отъезжают опять в свои страны. Да он же, сынишко мой, ныне в молодых летех и славенской грамоте и русскому языку может вскоре изучиться, – и от него чаять больше службы, как от иных дохтуров, которые все свои дела совершают через толмача. Милосердный Государь пожалуй меня, х. т., для моего вернаго подщания и многих проторей, которые издержал я в учение того моего сынишка, проча ево в

вашу, В-го Г-ря, службу, вели, Г., ево, сынишка моего, принять в свою, В. Г., службу в аптекарскую палату и учинить ему свое жалованье против иных дохтуров, его братьи или как тебе, В-му Г-рю, об нем Бог известит”.

14-го января 1678 года новоприезжий доктор Андрей Келлерман представился в Аптекарском приказе начальникам его: боярину князю Никите Ивановичу да кравчему с путем князю Василью Федоровичу Одоевским и дьяку Андрею Виниусу, и ему был произведен, через толмача, допрос, где и чему он учился? И молодой доктор ответил: “Отпустил меня отец мой, торговый иноземец Томас для докторской науки за море и я был в Цесарской земле в городе Лейпциге шесть лет и учился докторской науки, да в городе Страсбурге три же года был в науке, да в голландской земле, в городе Лейдене – два года, в английской земле в городе Оксфорде и во французской земле в городе Парисе (Париже) – полтора года и, наконец, в Италии, в городе Падуе, в знаменитой Падуанской академии – два года, где и был “учинен доктором” и получил диплом за подписями учителей и за тремя висными (висячими на шнурках) печатями красного воска в красных кожаных ковчежцах (футлярах)”.

Читать, писать и говорить доктор Андрей Келлерман умел на шести языках: цесарском (немецком), латинском, французском, итальянском и голландском.

После этого молодой доктор представил большой и красиво расписанный пергамент, диплом Падуанской академии на докторское звание за тремя печатями.

Царь Федор Алексеевич принял молодого доктора на службу и назначил ему “новичной” (начальный, как новичку) оклад: годового жалованья 60 рублей и месячного корму по 12 рублей на месяц, всего 204 рубля, кроме выдачи припасов натурою: вина, романеи, красных и белых медов, пива, калачей и конского корма: овса и сена (см. выше: оклад доктора Артмана Грамона).

Кроме того Андрею Келлерману за выезд было пожаловано царем: серебряный ковш весом в гривенку (фунт) и 40 золотников, 10 аршин камки-адамашки и сукно английское доброе.

Ковша такого точно веса не оказалось в запасах, тогда велено было сделать новый...

И работы у нового врача было предостаточно.

В Малороссии шла война русских с поляками из-за присоединения этой местности к великой России. Гетман Дорошенко, задумавший отложиться от Великороссии, был побежден, сдал город Чигирин князю Ромодановскому.

С театра войны стали прибывать в Москву раненые разные люди: полковники, полуполковники и разных чинов рейтары и стрельцы. Всем докторам давали их на излечение по несколько десятков.

В ноябре 1679 года Андрей Келлерман подает роспись вылеченным им стрельцам 48 человекам, Грибоедова полку; в этом же месяце он жалуется словесно в Аптекарском приказе на своего толмача, Никиту Вицента, что не ездит с ним для толмачества больше недели, и поэтому он боится без переводчика давать больным лекарства. Толмачу Виценту приказано было ездить с доктором, а иначе его “бив батоги, откинуть”...

Материалы Аптекарского приказа оканчиваются на 1682 году; в этом году Андрей Келлерман осматривает умершего Федора Нелединского: не умер ли он от лекарств, которые ему давали? Вероятно, была жалоба родственников на лечившего его доктора. Келлерман сказал, что знаков на теле, чтобы умер от лекарств, – нет, а умер он, по признакам, от «прилипчивой злой огневой болезни». А как его лечили и от какой болезни – про то знает доктор Захарий Фандер-Гульст (тот самый, в доме которого жила любовница Петра Первого Анна Монс), который его лечил... Больше о Келлермане сведений нет...

Кстати, фрагменты надгробий разных периодов находят на территории Москвы довольно часто. Так, в 2014 году были найдены фрагменты белокаменных плит во время реконструкции улицы Покровка, затем приходили сообщения о находке надгробных плит в районе Сада имени

Баумана на Старой Басманной, которые стали частью парапета. Не всегда строители обращают внимание на старые надписи и просто используют качественный строительный материал для своих целей. Так что, если вы идете по улице и видите интересную надпись или фрагмент узора на белокаменной плите или ограде, остановитесь и приглядитесь. И если посчитаете, что перед вами интересная находка из прошлого – звоните в Департамент культурного наследия. Специалисты разберутся, что вам попало на глаза.

Надписи

Через несколько месяцев после первого представления находки ученые смогли прочесть надписи на плитах. Как оказалось, они были сделаны на нижнерейнском диалекте старонемецкого языка. Первое надгробие датировано 1635 годом – это времена царствования Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых. Надпись гласит, что под плитой был погребен сын Хиндриха (Генриха) Келлермана, Берендт.

Второе надгробие моложе почти на 20 лет (оно датировано 1653 годом), и текст на нем значительно интереснее. Вот его перевод: «Года 1653 8 октября в Бозе блаженно почил господина Томаса Келлермана любимый сыночек по имени Томас, чья душа у Бога в небе и чье тельце здесь земля покрывает, ожидает со всеми верующими блаженной вечности и вечного блаженства. Он прожил два месяца. Возжажди смерти каждый день, и будешь ты благословен!»

«Здесь мы впервые в истории немецкоязычных надгробий Москвы встречаем классическую религиозную формулу, восходящую к немецкой средневековой мистике: “блаженная вечность и вечное блаженство”, – говорит уже упомянутый выше Леонид Беляев.

«Но еще интереснее заключительное двустихие, – продолжает он. – Оно восходит к тексту проповедника Мартина Хиллера из города Райхенбаха (Нижняя Силезия)».

В 1625 году Хиллер написал эти строки в надгробном слове бургомистру города, Мельхиору Хорсту, заимствовав их, в свою очередь, из латинского средневекового текста, переложенного Иоанном Гебауэром, синдиком Республики Райхенбах.

«Поскольку прошло лишь 25 лет с момента появления райхенбахской проповеди, это двустихие, возможно, указывает на хорошее знакомство жителей московской колонии с протестантским “богословием в стихах”», – отмечает Беляев.

«Можно предположить, что в семье Келлерманов были сильны традиции изучения слова Божия, чрезвычайно характерные для Европы после Реформации», – говорит он.

Ученый подчеркивает, что находка еще раз показала тесные связи Московского государства с Западной Европой еще в допетровские времена. «Москва не была медвежьим углом, она была связана многочисленными торговыми и культурными связями с Европой. В конце концов, если бы не московские иноземцы, у нас не было бы Петра», – заключил Беляев.

«Это уникальные плиты, потому что в Москве и по всей России плиты с иностранными надписями можно пересчитать по пальцам, прослойка иноземцев была хоть и достаточно многочисленна, но по сравнению с численностью всего остального населения ничтожна. И здесь мы видим, как лютеранские, протестантские традиции накладываются на отечественную погребальную культуру, надписи накладываются на наши плиты, но уже с лютеранскими посвящениями, и, несомненно, для специалистов это очень важно», – считает Леонид Кондрашев.

Сюрпризы Зарядья

В Зарядье строят огромный ландшафтный парк. Одновременно с этим на площадке идут археологические раскопки. Территорию окружает высокий забор, а попасть туда – хочется очень многим. Ежедневно десятки москвичей и гостей столицы всматриваются с высокой стороны – Варварки – на то, как идет строительство и раскопки, гадая, что здесь будет и что нашли. Из всех церковных построек южной части Зарядья до наших дней сохранилась только церковь Зачатия Анны. В разветвленной сети переулков располагались многочисленные деревянные усадьбы.

Для защиты этой части московского посада в 1535–1538 годах была возведена кирпичная на белокаменном основании стена Китай-города. Начиная с XVI века в Зарядье появляются каменные постройки – «в камень» перестраивались не только деревянные церкви, но и светские строения зажиточных горожан. После пожара 1812 года вся застройка становится каменной, причем многие постройки были возведены на фундаментах более ранних палат XVI–XVII веков. Во второй половине XIX века район, застроенный трех-пятиэтажными доходными домами, постепенно уступает относительно более удобной для проживания «верхней» части Китай-города, здесь появляются первые трущобы.

В советское время плотно застроенное, требующее ремонта многих домов Зарядье из-за своей близости к Кремлю постоянно привлекало внимание архитекторов. Так, в 1920-х годах производится реставрация крепостной стены Китай-города – восстанавливаются верхние части башен, демонтируются многочисленные поздние пристройки. Но уже в 1930-х годах из-за решения возводить на территории Зарядья здание Наркомата тяжелой промышленности часть застройки (в центральной зоне Зарядья) уничтожается.

Общепринято считать, что московский посад в Зарядье – одно из самых старых поселений города – строился вдоль берега реки, поскольку здесь же был и причал, и поселения, да и Кремль в двух шагах: всегда можно спрятаться от набега недругов. Во всех учебниках и энциклопедиях указано, что это поселение появилось в XII веке. Однако последние раскопки московских археологов могли бы существенно изменить наши представления о том, как формировался город. К счастью, этого не случилось.

Московский посад, возможно, появился позже, чем считалось ранее. Об этом во время пресс-показа раскопок на месте бывшей гостиницы «Россия» рассказал летом 2015 года главный археолог Москвы Леонид Кондрашев, демонстрируя журналистам обширный раскоп (площадью 200 квадратных метров) в Зарядье. И это было только начало раскопок. До конца года археологи только в этом месте рассчитывали исследовать еще 500 кв. м. древней земли (забегая вперед, скажу, что уже через пару недель здесь был найден второй по величине клад за всю историю раскопок в Москве).

Зарядье – часть охранный зоны ансамбля Московского Кремля. Для возможности воссоздания элементов планировки Зарядья, а также для всестороннего изучения культурного слоя, который может быть поврежден при земляных работах во время обустройства парка, с марта 2015 года на территории Зарядья проводился комплекс археологических мероприятий, которые позволяют минимизировать ущерб от земляных строительных работ.

В процессе этой работы в восточной части Зарядья зафиксированы деревянные мостовые Кривого переулка, известного по историческим планам с XVI века. В слое XVI–XVII веков в южной части района выявлено несколько деревянных сооружений, наибольший интерес представляют деревянные срубы с печами. Кроме кирпичей в качестве строительного материала в печах использованы два фрагмента белокаменных надгробных плит XVI–XVII веков, вероятно, с кладбища при церкви Николая Чудотворца («Николы Мокрого»). Сами кирпичи относятся к XIX веку, а деревянные балки – к XVII. Территория, которую сначала отвели для

сталинского наркомата, а затем для гостиницы «Россия», расположена на месте поселения XIX века, которое отстроилось после пожара 1812 года. Будут и другие раскопки за пределами стилобата гостиницы «Россия», ближе к Кремлю.

В процессе исследований выявлено, что во влажном культурном слое района прекрасно сохраняются не только крупные деревянные сооружения – мостовые, жилые постройки, колодцы, водоводы, но и мелкая органика – деревянные и берестяные изделия, кожаная обувь, изделия из кости. Именно поэтому здесь было обнаружено большое количество кожаных изделий и обуви (возможно, здесь находилась кожевенная мастерская), предметы вооружения, конского снаряжения, встречались медные монеты, нательные крестики, рельефные изразцы, глиняные игрушки и посуда.

Также интересно обнаружение в слое конца XVI – начала XVII века большого количества предметов воинской тематики: литых пуль, железных ядер, двух белокаменных ядер (диаметром более 40 сантиметров), обломков сабель. Вероятно, данные скопления вещей связаны с событиями Смутного времени и свидетельствуют также по крайней мере о двух татарских набегах, когда конные группы пытались не столько завоевать, сколько пограбить Москву. Горожане прятались в Кремле, а здесь, на месте строящейся в настоящее время филармонии, происходили какие-то военные действия. За день до нашей встречи с главным архитектором города на раскопе был найден кистень – элемент вооружения защитников города. Обнаруженные артефакты составят основу экспозиции музея, посвященного раскопкам в Зарядье. Самой важной частью будущего выставочного комплекса должен стать участок фундамента стены Китай-города, который будет открыт и музеефицирован в процессе проведения работ.

Первый этап археологических работ прошел в Зарядье еще в 1939 году. А интерес к широкомасштабным археологическим раскопкам в советское время начался в 1935 году, во время строительства метрополитена, когда внезапно куда-то стал уходить бетон. Оказалось, что в месте строительства находятся старые подвалы. Были организованы две бригады: архивистов, которые изучали старые здания, и археологов, ведущих раскопки. Но тогда подход к этой, в общем-то, ювелирной работе был достаточно грубым. Так и началась московская археология. А московская археологическая школа сформировалась за 50 лет именно на материале раскопок в Зарядье. Исследования о первых работах в Зарядье были опубликованы уже после войны.

Кстати, раскопки продолжались и после 1939 года. Например, в 1946 году, когда на этом месте возобновили строительство очередной сталинской высотки – здания наркомата тяжелой промышленности. Масштабный проект так и не был реализован, зато территория стала настоящей Меккой для московских археологов. «За исключением Кремля, в столице, наверное, нет второго такого места, о котором мечтал бы каждый московский археолог, – рассказывал Леонид Кондрашев. – Здесь мы можем видеть настоящую “лестницу времен”, ведь в раскопе есть и деревянные дома, и кирпичные, относящиеся к разным эпохам». «Представьте себе гигантский торт, в котором прорезаются траншеи и сразу все слои видно: где зефир, где пастила», – пояснял заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН Леонид Беляев. В Зарядье ученые занимались более точной градуировкой археологической шкалы, разбираясь, чем керамика из «слоя пастилы» отличается от «керамики из слоя зефира».

В 1949 году в Зарядье работала экспедиция М. Г. Рабиновича. Новые раскопки начались именно с того места, Мокринского переулка, где закончились исследования той большой экспедиции. И удалось совместить современные данные с данными предшественников.

Сейчас уже четвертые раскопки вновь идут на месте Мокринского переулка, ставшего преемником самой древней из известных улиц города – Великой, деревянные мостовые которой также нашли археологи чуть раньше. Это дало возможность подтвердить, что Мокринский переулок существовал по линии Великой улицы, являвшейся продолжением Подольной улицы в Кремле. Она вела к причалам, поскольку все дороги в древние времена – торговые в первую

очередь – были водными. И находились они чуть в стороне от самого города. А найденная линия – одна из древнейших линий старых торговых путей в Москву. При проведении работ столичными археологами были выявлены важнейшие элементы планировочной структуры, а именно деревянные мостовые Великой улицы.

Главный археолог Москвы Леонид Кондрашев, представляя раскоп журналистам, отметил, «что нам, возможно, придется серьезно менять этапы освоения Москвы. Всегда считалось, что посад развивался узкой полосой вдоль реки у стен Кремля. Это вошло во все учебники и энциклопедии. И никогда эта теория не оспаривалась, хотя среди ученых был определенный скепсис, поскольку находки были в более широкой полосе. Но пока на этом участке мы не находим ничего моложе XVI века. И это заставляет иначе взглянуть на историю развития Москвы, заменив дату на более позднюю. Но для нас важнее истина».

Через несколько месяцев Кондрашев, немного смущаясь, сказал мне: «А мы с вами ошиблись (я к тому времени опубликовал статью с предположениями главного археолога города) – поселения там были и раньше, мы уже нашли остатки домов XIV века, а может быть, и более ранние будут». И было видно, что он рад своей ошибке и Москва в этом месте действительно существовала на несколько веков раньше.

Николай Макаров, директор археологии РАН:

«Работы ведутся несколько недель – под тремя метрами культурного слоя были обнаружены остатки Великой улицы, которая впоследствии стала Мокринским переулком. Это западная часть Зарядья, которая была ближе всего к Кремлю. И формирование посада, видимо, начиналось отсюда. Наша задача была выйти на место этой улицы, исследовать ее. Нам удалось найти уличные настилы, те настилы, которые мы видим, датируются XVII веком. А под ними – несколько ярусов более ранних настилов. Скорее всего, там скрывается XV век. И мы впервые видим остатки Великой улицы, главной улицы Зарядья и московского посада. Это главная доминанта посада XVII века.

Самое интересное из найденного на этот момент – это сама конструкция. Потому что остатки улиц в Москве – это чрезвычайно редкие находки. В Москве плохо сохраняется дерево. А здесь мы видим конструкцию улицы. Это настил, постеленный на длинные продольные лаги. Это конструкция, которая появилась в XI веке и использовалась в древнерусских городах до XVIII века от Новгорода до Киева. Это все важно для того, чтобы понимать, как формировалась Москва. А для этого нам необходимо выйти на более ранние слои и ярусы мостовых».

А Константин Воронин, генеральный директор «Столичного археологического бюро» пояснил, что саму деревянную мостовую сохранить непосредственно в том месте, где она находится в данный момент, вряд ли получится: «С деревом вообще сложно. Сейчас элементы мостовой заполнены водой, которая скоро испарится, дерево скукожится, его надо будет заменять полимерами. На месте все эти процедуры провести невозможно». Мостовую придется разобрать на составные части и представить их на экспертизу реставрационного совета, который решит, какие из элементов могут стать экспонатами, а какие уже не подлежат восстановлению.

Так же в раскопе были найдены фрагменты кольчуги, а значит, в этом районе Москвы проживали довольно обеспеченные люди, ведь в те времена доспехи могли себе позволить только бояре и очень богатые горожане. «В каком-то смысле это был элитный район», – объяснил Константин Воронин. Из оригинальных вещей стоит особо отметить небольшие гребешки, предназначенные для расчесывания бороды и усов.

Москва вела активную торговлю со всем окружающим миром. Очень многие находки говорят о связи Москвы с Западной Европой. Например, крупная шведская монета начала XVIII века, найденная на мостовой Кривого переулка, или торговые пломбы, ведь весь товар,

привозимый в Москву, подлежал учету, специальные сосуды для фиксации лучины (светцы), ключи, оружие и даже фрагменты одежды древних москвичей, например вязанный шерстяной пояс, – в среднем 10 находок на квадратный метр. Археологи подчеркивают, что это не какая-то массовая керамика, а интересные индивидуальные артефакты. «Все свидетельствует, что в середине XVII века Москва была крайне процветающим городом и ее население имело очень хороший достаток», – подытожил Воронин.

Храм Ильи Пророка

Там же, в Зарядье, Мосгорнаследие представило уникальный нижний храм Ильи Пророка, найденный во время раскопок в Китай-городе в четырехметровом культурном слое на Новгородском подворье. Это – древнейший из сохранившихся храмов на территории Китай-города.

«Это уникальный случай. Еще до революции храм был сдан в аренду купцам, которые застроили его со всех сторон, сделали они это плохо и по качеству, и потому что здание просто-напросто перестало просматриваться, нижний храм просто завалили изнутри строительным мусором. Конструктор Герман Бессонов сделал все возможное для укрепления здания и начал работы по раскопке нижнего храма, который сейчас уже действует, а мы продолжаем работу в прилегающих к нему помещениях. Также мы надеемся найти когда-то существовавшую здесь храмовую галерею», – рассказал заместитель руководителя Департамента культурного наследия города Москвы, главный археолог города Москвы Леонид Кондрашев.

Храм был возведен на территории Ильинского монастыря, находившегося здесь с XV до конца XVI века. Позже на этой территории располагалось подворье Новгородских митрополитов. Первое упоминание церкви относится к 1519 году, летописный рассказ сохранил имя инициатора строительства – простолюдина Клима Мужило.

Настоятель храма, протоиерей Андрей Речицкий рассказал, что «храм был передан РПЦ с формулировкой “в крайне аварийном состоянии”, тогда он был частью ныне снесенных Теплых торговых рядов, на месте которых построен гараж-стоянка. Когда начинались работы по укреплению верхнего храма, никто и предположить не мог, что под землей, на глубине четырех метров, есть нижний храм, мы начали работы исключительно как противоаварийные. Сейчас же при входе у нас стоит саркофаг, в который мы собрали найденные при раскопках кости из захоронений».

За свою историю храм неоднократно горел и восстанавливался. Наиболее сильно он пострадал в пожары 1676, 1737, 1812 годов. В восстановительных работах после наполеоновского нашествия принимал участие Осип Бове.

В 1864–1868 годах церковь была включена в состав комплекса Теплых торговых рядов. Богослужения в ней продолжались вплоть до революции и были возобновлены в 1996 году.

Грамота

Но на этом открытия во время раскопок в Зарядье не закончились. Вскоре на месте раскопа была найдена берестяная грамота. Как рассказал позже заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН Леонид Беляев, до сих пор за всю историю археологических исследований в Москве были найдены лишь три грамоты, причем только одна содержала развернутый текст.

«Особо знаменательной, чрезвычайно редкой и важной для Москвы находкой стало письмо, написанное на листе, сделанном из коры березы, то есть берестяная грамота. Она, несомненно, даст нам много новой информации о жизни средневековой Москвы», – считает руководитель раскопок Л. Беляев.

В Москве берестяные грамоты не находили до самого конца XX века. Они, возможно, и были, но до тех пор, пока официально не было сделано открытие новгородских берестяных грамот, на эти странные свитки и обрывки бересты никто не смотрел как на письменные артефакты, которые могли бы уже давно стать важным свидетельством жизни наших предков. Можно только предположить, сколько ценного и интересного мы навсегда потеряли из-за своей невнимательности и незнания.

Только в 1988 году экспедиция Института археологии РАН нашла в Воскресенском проезде берестяную ленточку – обрывок черновика или копии документа о земельном владении. Почти через 20 лет при раскопках в Кремле в 2007 году нашли две грамоты. На одной была не очень отчетливая надпись. А вторая, написанная чернилами (обычно берестяные грамоты писали металлическим писалом), являлась не чем иным, как описью имущества, в первую очередь коней крупного феодала, состоявшего на службе у московского князя, некоего Турабея.

«Найденная теперь грамота – четвертая по счету. Но в известном смысле это первая подлинная грамота, отвечающая “новгородскому стандарту”, – это частное письмо, написанное буква к букве отчетливым книжным почерком XIV века на специально подготовленной полосе бересты», – говорит Беляев.

По его словам, в грамоте идет речь о неудачной поездке «на Кострому» человека, имя которого остается неизвестным. «О деталях поездки автор и отчитывается, называя адресата “господине”. Детали грустные: поехавших задержал некто, имевший на это право, и взял с них сперва 13 бел (бела – денежная единица на Руси, сменившая ногату, обе сравнительно небольшого номинала) да еще три белы. Но этого показалось мало, и по неведомой причине посланный отдает ему и его матери еще 20 бел «с полтиною». Вместе эти поборы (или возврат долга – мы не знаем) составляют 36 бел, не говоря уж о полтине, – сумму довольно внушительную», – рассказал археолог.

Текст уникальной находки, ее языковые и литературные свойства в настоящее время изучают лингвисты.

Клад

Ну а одной из главных находок Зарядья стал клад, о котором первые недели даже говорили-то шепотом, чтобы случайно не потерять столь ценную находку. Желающих позариться на такое богатство могло бы быть немало.

В середине октября был обнаружен второй по величине московский клад серебряных монет начала XVII века. Ученые считают, что, скорее всего, клад был заложен в 1615 году, так как именно этим годом датируются наиболее поздние монеты. Самые ранние относятся к княжению Ивана Грозного (с 1533 года).

Клад обнаружили сотрудники «Столичного археологического бюро». Крупнее его лишь клад, найденный при раскопках Гостиного Двора в 1996 году. Все остальные московские клады, которые обнаруживали в ходе земляных и строительных работ, были меньшего объема.

В чернолощеном кувшине, фляге и кубышке большого размера лежали около 40–43 тысяч монет общим весом 20 килограммов 675 граммов. Клад нашли в районе раскопа мостовых улицы Великой, когда археологи по наитию немного отошли от плана намеченных работ. Произошло это на глубине более шести метров. Видимо, столь глубокое залегание и спасло клад от разорения. Там были обнаружены остатки бревенчатой усадьбы конца XVI – начала XVII века.

Точное количество монет может быть даже больше заявленного. Удивительно, что все монеты – это целые чешуйки, поскольку при Алексее Михайловиче их начали рубить пополам, и именно в таком виде большинство из них до нас и дошло. Хозяин клада, видимо, специально откладывал целые монеты. Среди них уже сейчас обнаружены редчайшие чешуйки периода

татаро-монгольского ига, которых сохранилось всего несколько в мире. Стоимость одной такой «ордынской» монеты может достигать двух-трех миллионов долларов. Часть чешуек поразила археологов сохранностью и филигранностью чеканки, что меняет представление ученых о русских монетах того времени. Не исключено, что в ходе исследований, которые могут продлиться до двух лет, будут обнаружены ранее не известные вариации чешуек.

На момент сокрытия этот клад представлял собой очень значительные сбережения. Например, общая сумма накоплений, попавших в состав депозита (около 350–380 рублей), – это жалованье стрелецкого полковника за 12–15 лет. На эти деньги четыре века назад можно было купить нескольких поместных сел или построить боярскую резиденцию в центре Москвы (например, «Палаты бояр Романовых») или небольшой каменный храм (такой, как церковь Владимира в Старых Садах).

А еще, возвращаясь к разговору о том, что город сам отдает свои тайны и клады, когда считает необходимым, стоит вспомнить и другие слова Леонида Кондрашева. По его мнению, очень многое здесь сохранилось за счет того, что грунт был очень мокрым. Обычно бактерии, проникая в грунт, заставляют дерево гнить. А в Зарядье сохранились деревянные сооружения XVII века. Однако во время рытья огромного котлована для строительства гостиницы «Россия» было нарушено течение подземных рек и грунтовых вод. И если бы эти раскопки начались хотя бы на десять лет позже, археологам достались бы не целые бревна и срубы, а труха и тлен, по которым можно было бы только догадываться о первоначальном образе или восстанавливать его лабораторным, экспериментальным, путем. Но при этом повторю, археологи не приветствуют хаотичное проведение раскопок. Для них важнее сохранение культурного слоя, но в Зарядье все было организовано очень вовремя, а значит, и информации для археологов будет много.

Дрезден на берегу Арагви

Рядом с памятником основателю столицы Юрию Долгорукому находится портал в прошлое. Достаточно зайти в здание справа от памятника, и вы окажетесь сначала в советском времени, потом переместитесь в девятнадцатый век, и так до середины семнадцатого. Сделать это стало возможно благодаря работе реставраторов, итоги которой были показаны в начале марта 2016 года журналистам. Событие было совмещено с не менее важным и торжественным моментом – присвоением звания «Почетный реставратор города» четырем настоящим мастерам своего дела, сохраняющим для нас память и историческое наследие. Да! И до открытия собственно ресторана «Арагви» оставался еще целый месяц...

Московский ресторан «Арагви» был открыт в 1938 году и работал для москвичей и гостей столицы несколько десятков лет, чтобы закрыться на ремонт перед самым началом XXI века. Чем же он так интересен для нас и почему его открытие стало настоящим праздником для москвичей и любителей старины?

Стоит заметить, что место это не пустовало на протяжении всей истории Москвы, и до «Арагви» по адресу улица Тверская, дом 6, строение 2, существовала гостиница «Дрезден» с не менее интересной историей. Но, как выяснилось в ходе последней реставрации, и она не была на этом месте первой...

В декабре 2015 года реконструируемый ресторан навел мэр города Сергей Собянин. Как он пояснил, причиной того, что он решил перейти Тверскую (а ресторан находится почти напротив мэрии), стала жалоба на то, что при реконструкции гостиницы «Дрезден» – а не ресторана «Арагви»! – уничтожается памятник архитектуры XVII века. И реставрацию было решено приостановить, а затем начать заново.

В ходе новой реставрации специалисты Мосгорнаследия сумели найти материалы, которые помогли восстановить истинный архитектурный облик гостиницы и обнаружить фрагменты кирпичной кладки и росписи XVII века. В помещении подвала с южной стороны, где в последние годы жизни ресторана находилась кухня, сохранился первоначальный фасад палат, а в нескольких комнатах второго этажа уцелела лепная отделка помещений гостиницы «Дрезден», в том числе фигуры атлантов, и потолочная лепнина начала XX века.

Стоит пояснить, что сегодня помещения ресторана и гостиницы вписаны в ансамбль дома, построенного в 30-е годы прошлого века. Дома № 2–6 по Тверской улице были построены в 1937 году и являлись одним из важнейших «парадных» элементов реализации сталинского генплана.

Строили их с большим размахом, взрывая дома и расчищая под строительство ровное поле. Уцелело лишь передвинутое во двор (по соображениям той же парадности, показательной заботы о памятниках и демонстрации инженерной мощи) здание Саввинского подворья, которое двигали, не отселяя жильцов и не отключая коммуникаций. Об этом событии, вошедшем во все учебники и исторические хроники, я рассказывал в книге «Городские легенды».

В левое, обращенное на Тверскую площадь, крыло дома № 6 была включена старая постройка – здание бывшей гостиницы «Дрезден». По имеющимся данным, это была постройка XVIII века, переделанная и надстроенная во второй половине XIX века. На рубеже веков эта гостиница была очень популярна, в ней останавливались многие знаменитости, здесь же в 1916 году умер великий художник Василий Суриков.

В 1937 году здесь обосновался знаменитый грузинский ресторан «Арагви».

Ведущий реконструктивные работы архитектор Вячеслав Осипов, простукивая слабые места старых сводов в подвале и на первом этаже здания, обратил внимание на очевидную древность скрывавшейся под штукатуркой каменной кладки. После полного удаления штукатурки в интерьерах советского дома открылись очевидные приметы богатых палат допетров-

ского времени: упомянутые своды, заложенные арочные проемы дверей и стальных ниш, кованые решетки на окнах.

Местность эта, как матрешка, открывала все новые и новые наслоения дома, которые не разрушались, а вписывались в новые конструкции, чтобы через многие годы предстать во всей красе или показать, что здесь было раньше и как раньше умели строить.

Шубинские палаты

Кто владел этим участком в XVII веке, пока не известно. Но оказывается, все последующие постройки выдерживали стены палат, которые условно называются палаты в Шубине (боярин Шуба жил здесь в XIV веке). Нашли даже два потайных межстенных перехода: один ведет вверх, другой – вниз. По таким переходам в беспокойное время хозяин богатых покоев мог уйти от внезапно нагрянувшего врага.

Самые интересные, просто-таки невероятные детали были найдены в угловой, юго-западной палате верхнего этажа. Внимание входящих в зал прежде всего привлекает большая кирпичная розетка, выложенная в центре свода несколькими концентрическими кругами. На левой от входа стене имеется большой арочный проем (скорее всего, ниша), обрамленный кирпичным порталом. Но особенно уникален портал, обрамляющий изнутри вход в палату. Арочную дверь с трех сторон украшает прямоугольное обрамление из квадратных ширинок (разновидность кессона), внутри которых находятся резные вставки – в горизонтальном ряду кресты, а в единственной сохранившейся вставке вертикального ряда – восьмиконечная звезда. Над верхними ширинками проходит ряд арочных ниш, в которых обнаружены живописные ромашки (пока не известно, каков был их первоначальный цвет, но сейчас они выглядят черными). В прямоугольном поле вокруг арки проема также обнаружена живопись: растительный орнамент очень простого рисунка – желтые и зеленые лопухи в черном контуре. Незначительные следы росписи имеются также на стенах и сводах палаты. Подобные фрагменты живописного убранства жилого гражданского интерьера допетровского времени имеются в Потешном дворце, а вне Кремля это первая такая находка. Архитектурное решение декора палаты можно считать и вовсе уникальным.

На фасадах памятника также обнаружены фрагменты древнего оформления: наличники окон, фрагменты пилястр и прочее. Ниже уровня земли прекрасно сохранился фасад нижнего этажа южной стороны – совершенно целый кирпичный цоколь, наличники окон, портал входа, лопатки, следы примыкания крыльца. В комплекс памятника входят и другие усадебные постройки начала XVIII–XIX века, также включенные в объем советского ресторана.

По предварительным предположениям именно боярину Шубе эти палаты изначально и принадлежали. Сегодня трудно представить, что когда-то на месте этой вполне современной городской улицы с электрическим освещением и модными бутиками росли фруктовые сады. Хозяином яблочно-сливового великолепия был человек, в государстве очень известный и уважаемый, – боярин Иакинф Шуба, сподвижник Дмитрия Донского, предводитель войска, успешно сражавшегося с литовским князем Ольгердом Гедиминовичем задолго до Куликовской битвы. В 1368 году литовский князь Ольгерд напал на Московское княжество, и князь Дмитрий Иванович отправил ему навстречу сторожевой полк под командованием бояр Дмитрия Минина и Иакинфа Шубы. «Уже Ольгерд как лев свирепствовал в Российских владениях, не уступая монголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города», – рассказывает Николай Карамзин. У Тростенского озера Ольгерд ударил со всею силой на московские полки, и они были истреблены совершенно. Тогда же и погиб воевода Иакинф Шуба. Москву, однако, Ольгерд взять не смог – он три дня стоял под городом, ограбив все окрестные селения.

И тут возникает любопытное историческое разночтение. Как гласит Википедия и ряд других, менее распространенных источников, именно Иакинф Шуба был приглашен в 1389

году к умирающему великому князю московскому Дмитрию Ивановичу Донскому для того, чтобы скрепить своей подписью его духовную грамоту. Возникает только вопрос, как он это сделал, если уже более двадцати лет лежал в могиле?..

Гагарин и Калкау

Владение дома № 28 в 1738 году, следуя Переписным книгам города Москвы, принадлежало князю Василию Ивановичу Гагарину, новгородскому губернатору. При нем на участке были возведены каменные палаты, сохранившиеся в составе строения № 2. Впоследствии Гагариным скуплены и соседние дворы, что объединило весь участок в его руках.

Новые постройки на участке были возведены также в 1777 году, когда владение принадлежало аптекарю Якову Калкау. Кстати, сейчас в ресторане воспроизведен зал в подвале, который и принадлежал аптеке. Реставраторы восстановили не только своды, но и атмосферу одной из немногих городских аптек того времени.

В 1770–1790 годах здесь стояли два дома, между которыми был двор, обнесенный оградой. В процессе дальнейших натурных изысканий (к которым в качестве консультантов были привлечены археолог Владимир Пирогов, преподаватель кафедры реставрации МАрХИ Лидия Шитова и архитектор-реставратор Александр Можаяев) постепенно прояснились структура и долгая строительная история здания. В основе хитрого лабиринта разновременных пристроек скрывается так называемая «сложная тройня», то есть сени с тремя помещениями по обе их стороны. В результате чего обычные сени здесь превращаются в длинный коридор, разделенный на переднюю и заднюю половины (наиболее известные постройки этого типа – палаты Симона Ушакова и Аверкия Кириллова имеют только по два зала с каждой стороны). Стены помещений нижнего, изначально подклетного яруса выложены из белого камня, своды частично белокаменные, частично – кирпичные. Особый интерес представляет палата со множеством красивых стенных ниш, расположенная в южном торце сеней. Большую ее часть прежде занимала широкая каменная лестница входа в подклет. Верхний, парадный, этаж сложен из большемерного кирпича, клейменного орлами и единорогами (что позволяет датировать памятник третьей четвертью, а может, и серединой XVII века). Четыре из восьми помещений этого этажа сохранили высокие своды с распалубками, внутрстенные ходы, ниши-печуры, остатки богатых кирпичных обрамлений окон и порталов, в том числе и в интерьере палат. В закладках старых проемов встречается много тесаного фигурного кирпича, оставшегося от разобранных частей здания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.